

«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 3

ЧЕЧНЯ И РОССИЯ:

ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор-составитель Д.Е.Фурман

Москва
1999

САМЫЙ ТРУДНЫЙ НАРОД ДЛЯ РОССИИ

Введение

Сборник статей о Чечне и её отношениях с Россией во многом отличается от двух предшествующих сборников, изданных Музеем и Общественным центром А.Д.Сахарова и посвящённых Украине и Белоруссии. Он отличается так же, как сама Чечня с её народом, который сумел одолеть российскую армию, но не смог (во всяком случае, пока не смог) ни построить упорядоченное государство, ни получить признание своей фактической независимости; отличается от Украины и Белоруссии, относительно легко, без той крови, которую пролили чеченцы, и тех стаданий, которые им пришлось перенести, ставших независимыми и признанными государствами.

Если по истории других народов мы имеем более или менее серьёзные и добротные книги, то история Чечни по многим причинам — и из-за крайней скудости письменных источников; и из-за страшных последствий, нанесённых культуре Чечни депортацией, а теперь ещё и войной; и из-за фактического запрета на занятия чеченской историей в советское время (поскольку вся чеченская история нововремени и практически вся история, известная из письменных источников, в которой мы можем различить индивидуальные лица исторических деятелей — это история борьбы с Россией) — изучена крайне слабо. Понять же современное состояние Чечни — едва ли не ещё более сложно. Если при изучении Украины и Белоруссии мы можем пользоваться относительно добротной статистикой, данными множества опросов общественного мнения и т.д. и т.п., то о теперешней Чечне мы даже не можем сказать, сколько (даже приблизительно сколько) людей в ней проживают после прошедшей войны — разные цифры колеблются в пределах сотен тысяч. К этому надо добавить некоторую «закрытость» чеченского общества, его болезненное современное психологическое состояние, его (во многом оправданное) недоверие к «чужим», крайнюю политизированность и склонность к созданию разного рода мифологических конструкций. Чтобы разобраться в Чечне, туда надо ехать, надо учить чеченский язык и относительно долго и спокойно жить среди чеченцев, наблюдая и изучая их культуру, психологию, социальные и политические отношения. Но об этом в наше время даже говорить смешно.

Таким образом, мы оказались перед трудным выбором. С одной стороны, издавая книги, посвящённые государствам, возникшим на территории СССР и их взаимоотношениям с Россией (формальный статус государства, входит ли оно юридически в состав Российской Федерации или нет, нам в данном контексте не важен), мы считали необходимым подготовить сборник о

Чечне, знать которую и понимать её проблемы для России важнее, чем, может быть, знать и понимать проблемы любой другой страны.

С другой стороны, мы понимали, что сделать добротную и всестороннюю книгу мы не в состоянии. Первое соображение перевесило второе. Мы решили сделать то, что в наших силах.

1

Позднесоветское и раннее постсоветское (довоенное) политическое развитие Чечни (в данном сборнике его описание содержится в статье Д. Гакаева) имеет множество параллелей с развитием всех бывших советских республик, включая и Россию. Так же, как и везде, антисоветское и антикоммунистическое движение начинается робко и с внешне «невинных» форм — экологического движения, борьбы за восстановление исторической правды (прежде всего — борьбы с «виноградовщиной», по имени русского грозненского профессора, учившего студентов, что Чечня добровольно вошла в состав России и теперь навеки вошедшего в чеченскую историю) и т.д. Затем, опять-таки, как везде, происходит постепенная политизация движения. Возникает под воздействием примера прибалтов «Народный фронт», затем — более радикальная Вайнахская демократическая партия и другие некоммунистические и антикоммунистические организации, актив которых — молодая интеллигенция и «полуинтеллигенция», почувствовавшая, что открылись новые «лифты» быстрой социальной мобильности. Отчасти к ним примыкают, отчасти — дистанцируются от них более умеренные (есть, что терять) представители «статусной» интеллигенции и с ними заигрывает, «подмигивает» им новая партийная власть в лице первого чеченца, вставшего во главе компартии республики, Доку Завгаева, использующего их для борьбы с Москвой за перераспределение власти и думающего, что всегда сможет с ними справиться. Одним словом — всё как везде.

Даже приход к власти генерала Джохара Дудаева, вставшего во главе национально-освободительного чеченского движения, хотя и отличается своим революционным характером (Верховный совет в результате августовско-сентябрьской революции 1991 года был разогнан «физически», власть перешла к неконституционным органам, организовавшим президентские и парламентские выборы) в целом укладывается в общую модель перехода от позднесоветской к постсоветской эпохе. Ельцин — тоже лидер антикоммунистического движения, вышедший, как и Дудаев, не из массовой, «низовой» интеллигенции, поставившей его основные кадры, а из советской элиты (здесь — генерал, там — секретарь обкома) и пришедший к власти тоже достаточно «революционным» и не очень-то конституционным путём.

Аналогии на этом не кончаются. Проблемы, с которыми столкнулся Дудаев в маленьком чеченском масштабе повторяли проблемы, с которыми в большем российском масштабе столкнулся Ельцин (а до него в ещё большем, союзном масштабе — Горбачёв). Это — проблемы руководства обществом, потерявшим свой тоталитарный механизм управления, но не создавшим но-

вого, демократического; не умеющим жить в условиях демократии и поэтому скатывающимся в криминальную анархию. И решают они их во многом схожим путём — через усиление президентской власти, приобретающей авторитарный характер (но не становящейся от этого эффективной), разгоны парламентов и использование для укрепления своей власти приватизации и других государственных экономических рычагов, при помощи которых можно обогащать и подкупать кого нужно. Даже идеологическая эволюция во многом параллельна — от западничества и «демократических идеалов» раннего периода ко всё большему обращению к национальному прошлому. Ельцин в 1993—94 гг. активно пытается использовать царистские символы и вообще входит в «царскую» роль и постоянно говорит о величии и единстве России (его переход к несколько иной стратегии, в которой главным становится противостояние коммунистическому реваншу происходит уже позже, в 1996 году). Дудаев в это же время апеллирует к тейповым традициям, к образу Шамиля и исламу (которого он, как нормальный советский генерал, абсолютно не знает). Именно этот параллелизм в какой-то мере и ведёт их к столкновению. Ельцину всё больше хочется на каком-то слабом сопернике показать всю мощь «возрождённой России». Дудаев, наоборот, входя в роль Шамиля или шейха Мансура, проникается сознанием неизбежности войны — естественного продолжения и завершения этой героической роли.

Однако сама война, навевающая не постсоветские аналогии, а скорее образы борьбы крохотных древнегреческих полисов с колоссальной персидской империей; победа чеченцев над оказавшейся абсолютно деморализованной и бессильной российской армией; последующее погружение Чечни в анархию и попытки справиться с ней при помощи шариата и, очевидно, перенесения чеченских противоречий вовне («газават» в Дагестане) — показывают нам, что хотя аналогии чеченского и российского развития совершенно бесспорны, они еще и бесспорно поверхностны.

Аналогии российского и чеченского развития проистекают из общих закономерностей распада советской системы. Но сама эта система была «наложена» на очень разные народы, причём в случае Чечни — наложена очень непрочной, не «пригнана». И её распад — это высвобождение ранее подавленных, подвергшихся принудительной унификации культур, обладающих каждая своей логикой и своими закономерностями.

2

Безусловно, русско-чеченскую войну и её исход нельзя считать predeterminedёнными историей. Много раз на протяжении 1991—96 годов были возможности направить ход событий иначе. Громадную роль здесь сыграли чисто субъективные и случайные факторы, например, наличие в высшем российском руководстве чеченца Хазбулатова, для которого выход Чечни из состава России означал бы конец политической карьеры, а укрепление в ней какой-либо не его — или завгаевской или дудаевской власти означало бы потерю шансов сделать Чечню своей базой; особенности характеров Ельцина и Дудаева; раз-

личные «кремлёвские интриги» и многое другое. Тем не менее, существовало несколько глубоких факторов, которые делали такое развитие событий не неизбежным, но вероятным. Самый глубокий фактор — это особенности традиционной социальной организации и системы ценностей чеченцев.

В отличие от других северокавказских народов (например, кабардинцев), имевших иногда сложнейшую сословную иерархию, чеченцы были обществом в значительной мере эгалитарным. Когда-то чеченцы свергли власть князей — своих, кабардинских и кумыкских, но обстоятельства и хронология этих, важнейших для истории Чечни событий, известны прежде всего из фольклорных источников и скудных упоминаниях в русских источниках, практически не известны. Во всяком случае, к концу 18 века чеченское общество (см. статью С.-А.Исаева) было обществом, где доминировали вольные общинники — крестьяне и воины, объединённые в тейпы и группировки тейпов — тукхумы. (Чеченцы не любят, когда тейпы называют родами, ибо это, вроде бы, говорит об архаичности чеченского общества; тем не менее, каков бы ни был реальный генезис тейпов, они мыслятся объединением людей, происходящих от одного предка). С распространением ислама, на тейповое деление наложилось деление по виждам — ответвлениям двух суфийских «орденов» — тарикатов, накшбандийа и кадирийа, к которым принадлежат практически все чеченцы. Тейпы в какой-то мере были объединены собиравшимся время от времени Мехк Кхелом, Советом Страны — собранием старейшин и представителей тейпов, но, естественно, постоянно соперничали и враждовали друг с другом. Отношения в этом обществе регулировались неписанным, но относительно разработанным традиционным правом, в котором большую роль играло право (и обязанность, и институт) кровной мести; делавшей убийство чеченцем чеченца, и не только убийство, но и любое преступление против личности, делом предельно опасным и серьёзным.

Такое общество, как об этом пишут в своих статьях Г.Дерлугьян и А.Ливен, культивирует (и предполагает) с одной стороны — сильнейшие ценности свободы и равенства, нежелание и, можно сказать, неспособность подчиниться какой-либо внешней и принудительной власти, с другой — развитое стремление к соперничеству (в рамках своего мира, своей социальной среды) и чувство чести. Именно потому, что общество практически не знает фиксированных статусов, обостряется борьба за нефиксированные места в той неформальной статусной иерархии, которую создаёт общественное уважение. Каждый старается «не ударить в грязь лицом», превзойти других мужеством и силой («джигитством»), «умением вести себя» (до сих пор «этикет», как показано в статье З.Берсановой, считается у чеченцев одной из важнейших добродетелей), мудростью, гостеприимством и, естественно, способностью отомстить за обиды, нанесённые ему или его роду. Каждый тейп соперничает с другим и даёт другим разные нелестные и насмешливые характеристики. Такое общество в значительной мере «интровертировано» и «закрыто». Мнение своих значит очень много. Мнение же чужих, например, русских — мало. Не отомстить, например, по законам кровной мести и показать себя «не мужчиной» — хуже и, может быть, даже страшнее, чем оказаться в глазах официальной русской власти убийцей и попасть на русскую каторгу. Такое общество

также кажется (и даже не кажется, а в значительной мере и является) предельно разобщённым, раздираемым внутренней борьбой. Но когда возникает внешняя угроза, это внутренняя борьба легко может перейти в другую свою ипостась — в соперничество в доблести, проявляемой в борьбе с завоевателями, и только что казавшееся рыхлым и разобщённым общество демонстрирует невиданную сплочённость и силу. (ФСБ и всякие «аналитические центры», очевидно, правильно докладывали Ельцину, что в чеченском обществе не прекращаются раздоры, что Дудаева не очень-то слушают, и он ничего поделывать с оппозицией не может и даже не способен никого арестовать. Но именно эти правильные доклады и заманили Ельцина в ловушку чеченской войны.)

Такое общество, очевидно, в значительной мере «самодостаточно». В спокойной обстановке чеченцы, очевидно, ещё долго жили бы своими тейпами. Государствообразование в нём происходит в связи с необходимостью борьбы со страшной внешней угрозой — русским завоеванием, одновременно с укоренением идеологии воинствующего ислама, проповедующего газават против неверных, суфийского ордена накшбандийа, и в виде подчинения власти имамов (о процессе исламизации Чечни см. статью А.Зелькиной). При этом и Шамилю приходится трудно с чеченцами, свободолюбие которых протестует против религиозно-государственной дисциплины, которую он пытается внести.

Эта система ценностей, в значительной мере сохранившаяся до сих пор, чеченское свободолюбие и своеобразная динамика «анархической» разобщённости и сплочённости — важнейший источник того, что политическое развитие Чечни пошло по совершенно иному пути, чем у других народов и общая позднесоветская-постсоветская модель была здесь модифицирована «до неузнаваемости». Но это — не единственная причина, обусловившая своеобразие чеченского постсоветского развития.

3

Факторы, толкавшие Чечню на тот путь, по которому она пошла, взаимосвязаны друг с другом и действуют «кумулятивно» в одном направлении. Традиционные система ценностей и социальная структура — самый глубокий фактор, породил следующий по значению — специфику исторических взаимоотношений отношений с Россией.

Именно в силу такой социальной природы и таких ценностей традиционного чеченского общества завоевание и подчинение его для России оказалось задачей предельно трудной, потребовавшей колоссального напряжения сил всей великой Российской империи. В отличие от других кавказских обществ, здесь практически не было той социальной верхушки, которую можно было перетянуть на свою сторону приманкой закрепления и упрочения её власти, предоставления ей каких-то мест в общероссийской иерархии и более высокой и развитой культуры, и с которой хотя бы можно было просто о чём-то договориться. (Один из парадоксов чеченской истории заключается в том, что именно становление при Шамиле, т.е. в ходе борьбы с русскими, новой

социальной верхушки создало тот, впрочем, очень слабый слой, на который потом пытались опереться русские колонизаторы).

Поэтому русских колонизаторов, пытающихся «замирить» чеченцев, охватывает чувство бессилия и злости, и поэтому же их борьба с чеченцами отличается особенной жестокостью. Завоевание крохотной Чечни заняло, если за точки отсчёта взять начало движения шейха Мансура в 1785 году и сдачу Шамиля в 1859 году, 75 лет и стоило чеченцам и русским сотни тысяч убитых. Но и после поражения шамилевского имамата продолжаются восстания и, соответственно, усмирения. Бюрократические порядки российского самодержавия отторгаются чеченцами.

Во время гражданской войны в России чеченцы пытаются вместе с другими народами Северного Кавказа создать независимое северокавказское государство и успешно воюют с Деникиным, способствуя победе большевиков. Большевики в то время готовы обещать всем всё что угодно, а чеченцам — так даже управление по законам шариата (как позже Ельцин призывал автономии брать столько суверенитета, сколько они хотят). И как и большинство народов Российской империи, чеченцы попадают в ловушку. Советская власть принимает от царской эстафеты борьбы за подчинение Чечни порядкам российской бюрократии.

Снова серия восстаний и карательных акций, кульминацией которых является депортация чеченцев в Казахстан (идея депортации — не сталинская, это — очень старая российская колониальная идея, но реализовать её смогла лишь тоталитарная сталинская власть). Жителей горного селения Хайбах, перевозить которых в Казахстан было слишком хлопотно, сгоняют всех в один амбар и сжигают заживо. В ходе депортации и в Казахстане погибло около трети чеченцев. Только Н.Хрущёв в 1957 году позволяет чеченцам и ингушам вернуться на родину и восстанавливает Чечено-Ингушскую республику.

Однако до конца советской эпохи чеченцы оставались для советской власти народом «неблагонадёжным» и «подозрительным» (это естественно — после того, как ты причинил кому-то много зла, доверять ему ты уже не можешь). И не только в глазах власти. Память о бесконечном сопротивлении российскому колониализму, на которую наложились выдвинутые сталинской пропагандой для оправдания депортации обвинения в том, что «чеченцы помогали Гитлеру», делали образ чеченца и в глазах рядового русского несколько страшноватым и зловещим. В конце концов, строку Лермонтова о «злом чечене, ползущем на берег» знал практически каждый русский школьник. (Недавняя война и последующий разгул чеченского криминалитета, естественно, лишь оживили и усилили эти старые русские представления о чеченцах, которые сейчас по данным разных опросов регулярно занимают последнее место в иерархии симпатий, которые выражают русские по отношению к разным народам). А как чеченцы могут относиться к русским?

Для того, чтобы понять это и понять, почему, почему чеченцы категорически отказывались в 1991 году войти в Российскую федерацию и предпочли пережить все ужасы российско-чеченской войны, русскому человеку надо сделать небольшое психологическое и интеллектуальное усилие и проделать такой умственный эксперимент.

Представим себе, что русских после серии кровопролитных войн, длившихся чуть ли не сто лет, завоевали, скажем, китайцы. В результате ожесточённости русского сопротивления, отношение китайцев к русским скорее плохое и великий китайский поэт написал даже: «Злой русский ползёт на берег» (имеется в виду берег, постепенно заселяемый китайскими колонистами, реки Волги). В результате этих войн численность русских уменьшилась вдвое, многие бежали в другие православные страны, а у китайцев, в конце концов более или менее подчинивших русских, постоянно бродила идея — а не переселить ли этот постоянно бунтующий и очень плохо усваивающий китайскую цивилизацию народ куданибудь, скажем, в район пустыни Гоби, чтобы самим спокойно жить в России и эксплуатировать её природные богатства. Когда в Китае произошла коммунистическая революция, провозгласившая равные права всех населяющих Китай наций, русские её приветствовали и даже помогали китайским коммунистам бороться с китайскими белыми. Но кончилось всё тем, что именно коммунисты совершили то, о чём только думали чиновники императора — всё-таки выселили русских в Гоби. При этом некоторых русских, которых транспортировать было трудно, сжигали живыми. Через какое-то время уменьшившимся численно русским позволили вернуться на родину и даже восстановили их Русско-Украинскую автономию. Но доверять им китайцы, естественно, не доверяли. Во главе автономии стояли китайцы, в официальных ситуациях русским разрешалось говорить только по-китайски (чтобы китайцы могли понимать, что они говорят), на главной площади в Москве стоял памятник великому китайскому завоевателю России и сделать карьеру мог только русский, женатый на китайке, про которого китайцы могли сказать — «Он уже совсем как китаец».

Ясно, что в такой ситуации мечта освободиться от китайцев была бы самой глубокой мечтой всех русских. Это не означало бы ненависти ко всем китайцам — за долгие годы совместной жизни у русских появилось много друзей китайцев и вообще они научились видеть в китайцах людей, а не только хозяев и завоевателей, это не означало бы нелюбви к китайской культуре, к великим китайским поэтам Ли Бо и Ду Фу, это даже не означало бы стремления отказать от китайского языка, который за эти годы стал как бы вторым родным. Но это означало бы страстное стремление воспользоваться любой возможностью, чтобы выйти из состава Китая — любого Китая, императорского, коммунистического или либерально-демократического с китайской спецификой и добиться независимости прежде всего — от возможных в будущем непредвидимых поворотов китайской истории. Я думаю, что проделав такой умственный эксперимент, русский человек не будет больше удивляться, почему чеченцам не захотелось мирно жить в Российской Федерации.

Такое стремление чеченцев в основе своей — совершенно естественно, рационально и нормально. Но при этом надо понимать, что оно не могло принять форму трезвого расчёта. Депортация чеченцев в 1944 году для чеченского сознания значит приблизительно то же, что для еврейского — гитлеровский геноцид или для армянского — резня 1915 года. Это — страшная травма, воспоминание об этом и ужас перед возможностью повторения этого преследует каждого чеченца. И события 1991–94 годов оживили этот ужас. Я ни на ми-

нугу не верю, что ельцинское правительство могло думать о новой депортации и чуть ли не готовить для этого грузовики. Но чеченцы верили — так же, как многие евреи в 1990–91 годах верили, что агитация общества «Память» — это только начало, за которым с неизбежностью последуют погромы, а армяне увидели в сумгаитском погроме прямое продолжение турецкой резни и начало нового этапа в реализации общетюркского плана уничтожения всех армян. Поэтому чеченцы не просто боролись за свободу Чечни, они боролись за жизнь, за существование своего народа, не только против реальных угроз и опасностей, но и против мифологической угрозы. При этом следует иметь в виду, что с 1991 года в чеченском обществе доминировали представители далеко не самых рационально и трезво мыслящих слоёв. Здесь мы естественно переходим к третьему фактору, способствовавшему возникновению российско-чеченской войны — особенностям социальной структуры чеченского советского общества.

4

Мы видим, что два фактора — специфика традиционной чеченской системы ценностей и специфика русско-чеченских взаимоотношений — взаимосвязаны. Будь чеченцы иным народом, приученным к повинению в каком-то своём государстве, со своей развитой социальной верхушкой, которое лишь потом было завоёвано Россией, их легче было бы вписать в систему российского государства, не пришлось бы им пережить столько страданий и не было бы у них такого стремления освободиться. Отдельные факторы, действовавшие в направлении, приведшем к российско-чеченской войне 1994–96 годов, порождают и усиливают друг друга, создают своего рода всё время растущий «снежный ком».

Третий фактор, обусловивший события 1991–1996 года, также связан с первыми двумя. Это — специфика социальной структуры позднесоветского чеченского общества. Именно потому, что в 20-е — 40-е годы в чеченском обществе сохранились сильные традиционные ценности, не дававшие ему органически «вписаться» в тоталитарную бюрократическую систему, на чеченцев обрушились особенно страшные репрессии, кульминация которых — депортация. Но именно это способствовало сохранению традиционных ценностей и традиционной социальной структуры, поскольку в репрессиях гибли прежде всего представители наиболее «модернизированных» социальных слоёв — интеллигенции и партийной бюрократии. Кроме того, в страшных условиях депортации традиционные ценности «консервировались» — чтобы как-то выжить и выстоять, люди прибегали к древним механизмам тейповой и вирдовой солидарности, к религии; психологически сплывались и «закрывались», делая свой мир непроницаемым для русско-советского «начальства».

Та же логика, когда репрессии, возникающие именно из-за прочности традиционных ценностей, их и укрепляют, сохраняется и после возвращения из депортации. Например, в Чечне, в отличие от других северо-кавказских республик, не разрешали открыть ни одной мечети. Но именно это не давало

сложиться слою лояльного и полностью контролируемого КГБ мусульманского духовенства и укрепляло официально не существующие, и поэтому, — неподконтрольные суфийские вирды. Элита больше не уничтожалась систематически, как это было в сталинскую эпоху, но именно из-за «подозрительного» отношения к чеченцам в Чечне не мог нарасти достаточно большой и прочный и достаточно укоренённый интеллигентский и бюрократический слой — карьера для чеченцев была затруднена, в партийной верхушке господствовали русские, даже с пропиской в столице Чечни — Грозном для чеченцев были сильные ограничения. Урбанизация чеченского общества шла медленно; преобладающая часть сельской молодёжи (а рождаемость у чеченцев по советским меркам была громадной) не могла устроиться ни в селе, ни в городе и активно погружалась в маргинальную, для советского общества, экономическую деятельность — прежде всего «шабашила» в чеченских строительных артелях, работавших по всему Советскому Союзу.

Поэтому нет ничего удивительного, что узкий интеллигентски-бюрократический чеченский слой и не смог взять в свои руки, как он это сделал в той или иной степени во всех республиках, руководство национальным движением, направив его в «цивилизованное» русло, и был сметён революцией 1991 года и затем войной, вынесшими на поверхность и сделавшими элитой чеченского общества представителей низовых и маргинальных социальных слоёв. И именно эти люди, с их значительно более традиционалистской психологией, с их более спокойным отношением к смерти — и чужой и своей — смогли возглавить сопротивление и разбить российскую армию, что, естественно, никогда бы не смогли сделать чеченские профессора и партработники.

5

Российская «ельцинская» политика по отношению к Чечне, как и по отношению к кому бы то ни было и к чему бы то ни было, отличалась крайней противоречивостью и раздвоенностью между либерально-демократическими импульсами — диктовавшими предоставление Чечне независимости, и импульсами великодержавными — диктовавшими новое покорение Чечни; причём, и те, и другие идейные импульсы периодически заглушаются самыми сильными в современной российской элите импульсами личного обогащения. В 1994 году временно победили импульсы великодержавные.

Но эта победа великодержавных импульсов обернулась военной катастрофой, масштабы которой настолько велики, что мы стараемся выкинуть её из нашего сознания, или вообще забыв о ней, или списав её на помощь чеченцам извне (весьма сомнительную и во всяком случае — абсолютно не сопоставимую с помощью, которую в это же время получала от Запада Россия); на «предательство» (которое фактор отнюдь не случайный и не внешний, а имманентный нашей системе, но при попытках объяснить наше поражение предстающий как нечто случайное), вообще на какие-то внешние, случайные и временные факторы. Очень характерно, что несмотря на «эпохальное» значение этой войны, у нас не появилось ещё ни одного её серьёзного анализа.

Между тем, оценить размеры нашего поражения относительно легко, вспомнив самые элементарные и общеизвестные факты: то, что Россия превышает Чечню по численности населения в 140—150 раз, а по территории и имеющимся ресурсам — во много больше; что Россия — страна, на протяжении многих десятилетий занимавшаяся прежде всего подготовкой к войне, тратившая на вооружение немислимые средства и имевшая превосходство, например, в количестве танков над США и Европой вместе взятыми; что чеченцев, воевавших на постоянной основе, было приблизительно столько же, сколько в России генералов; и что при этом чеченцы вели не просто изнуряющую противника партизанскую войну в горах — они обороняли селения на равнине и, в конечном счёте, смогли взять находившийся в российских руках Грозный. Наконец, как и в любой стране, пережившей революцию, отстранившую старую элиту в Чечне и чеченской российской диаспоре, было достаточно людей, готовых — и из шкурных, и из идейных соображений — идти на союз с «интервентами» для того, чтобы опрокинуть ненавистный революционный режим.

Сопrotивление и победа чеченцев в некотором роде — чудо, и произошло оно в силу тех же причин, которые и привели к войне и о которых мы уже говорили. Будь чеченцы народом с другой системой ценностей и другой исторической памятью, возглавляй их не малограмотные полевые командиры, зачастую с криминальным и полукриминальным прошлым, а нормальные для постсоветского пространства ставшие националистами партработники, одним словом, будь они чуть более рационалистичными и «современными» людьми, они никогда бы не пошли на такое сопротивление и во всяком случае — не победили бы. Для такой войны и победы нужно было полное нежелание и неспособность «считаться с реальностью» — только тогда возникает возможность эту реальность сломать и преодолеть. В чеченском сопротивлении соединились два момента — сопротивление народа, пережившего геноцид и решившего для себя, что больше он не даст совершить над собой подобного (то чувство, которое двигало евреями и позволило крохотному еврейскому государству победить громадные арабские армии) и — война революционной, народной армии, подобная войнам армии французской революции, бившей войска всей Европы, и армии большевиков, сражавшейся против цвета русского офицерства, возглавляемого лучшими российскими генералами, которых активно поддерживал чуть ли не весь мир.

Однако в чеченской победе, как и в любой победе в любой войне, есть два аспекта и она нуждается в двояком объяснении — объяснении силы победившей стороны и слабости проигравшей. Почему чеченцы так хорошо сражались, мы уже сказали. Но почему так плохо сражалась российская армия?

Прежде всего, мощь советской армии, а российская — её прямая наследница, имеет очень косвенное отношение к войнам типа российско-чеченской, да и вообще к любым реальным войнам. Война, для которой она создавалась — это «эсхатологическая» война со всем миром, которая так никогда и не наступила. В некотором роде эта армия была чем то вроде египетской пирамиды — чудом, созданным ценой невероятных усилий народа и государства, но не имеющим никакого «практического» значения. Призванная сделать СССР не-

уязвимым, эта армия на деле стала важнейшей причиной его гибели, поскольку создание её подорвало все силы страны (так же как в своё время создание пирамид подорвало силы Египта Древнего царства). Когда же дело дошло до реальной войны, выяснилось, что предназначенная для мифологической эсхатологической войны армия в ней действовать не умеет, а самое основное её оружие — всякие водородные и атомные бомбы и баллистические ракеты для неё просто не нужны.

Вторая важнейшая причина, которая анализируется в статье А. Ливена, — это социальные и культурные процессы, происходящие в России, как и во всём развитом или хотя бы «относительно развитом» мире и делающие Россию не способной вести войны, требующие напряжения всех сил и предполагающие большие людские потери (во всяком случае, если это — не оборонительные войны). Маленькая рождаемость увеличивает ценность человеческой жизни и матери единственного ребёнка готовы на всё, чтобы не подвергать его жизнь опасности. Кроме того, городской парень, привыкший к относительному комфорту, не способен спокойно выдерживать тяготы и лишения «традиционной» войны. США научились вести войны нового типа, как в Косово, где превосходство в вооружении привело к тому, что они выиграли войну, не потеряв ни одного солдата. Но Россия — не США, а Чечня — не Косово, где США противостоял (если такое слово здесь применимо) не вооружённый народ, а регулярная сербская армия.

Третья причина, как и вторая, также связана с мотивацией и особенностями «человеческого материала», но уже не общими для всех стран определённого уровня развития, а специфически российскими. Никакой ценностной, идейной мотивации у российской армии не было. «Защита конституционного строя», (т.е. конституции 1993 года, сделанной Ельциным для своего удобства и принятой на референдуме, итоги которого вызывают «некоторые сомнения») — лозунг, который никого вдохновить не мог. «Величие и целостность России» — так же. Ибо после того, как российская власть сама распустила СССР, воспринимавшийся большинством русских как «своё» государство, завоевание Чечни — несомненно, значительно более чуждой для России страны, чем, например, вытолкнутая в независимость Белоруссия — воспринималось (да в значительной мере и было) абсурдом. К этому надо прибавить предельную коррумпированность российской верхушки, в том числе и армейской; о которой солдаты и рядовые офицеры не могли не знать и которая, естественно, не вдохновляла их на воинские подвиги и самопожертвование.

Отсюда — полное отсутствие мотивов, которые могли бы побудить людей честно и добросовестно воевать, всеобщее нежелание рисковать жизнями, (т.е. попросту — трусость, ибо трусость, как и храбрость — явления в громадной мере, если не прежде всего — социальные и идеологические), компенсирующиеся жестокостью. Никакое превосходство в технике и численности не могло восполнить моральную слабость.

В современной чеченской и российской истории мы всё время можем видеть «печальную диалектику» (или абсурдность) человеческих действий. Советско-российский страх перед чеченским вольнолюбием и непокорностью ведёт к действиям, которые на самом деле их культивируют. Армия, на которую государством затрачены нечеловеческие усилия, именно поэтому оказывается одним из факторов, приведших государство к гибели и, когда дело доходит до реальной войны, оказывается не способной ее вести. Всё «переходит в свою противоположность». То же самое произошло и у чеченцев с их победой. Фантастическая победа в войне естественно перешла в колоссальное «поражение» Чечни в мире.

В результате войны чеченцы не получили ничего, кроме разорённой и измученной страны. Международного признания они не добились и в ближайший исторический период не добьются. Экономическое положение и жизнь простых людей здесь — ужасны и беспросветны (см. статью З. Альтамировой).

Трудное (слово «трудное» — слишком слабое) положение послевоенной Чечни в громадной мере не зависит от чеченцев. Любой народ, переживший такую войну, долго и мучительно восстанавливал бы своё хозяйство и боролся с разгулом преступности (русскому читателю стоит задать себе вопрос — какие бы размеры приняла преступность в России, если бы Москва лежала в таких же развалинах, как Грозный и если бы русским получить работу, за которую платили бы деньги, было бы так же трудно, как чеченцам). Никакой сепаратистский режим, даже выигравший войну, не был бы признан мировым сообществом, пока его не признает та страна, к отделению от которой он стремится (о международно-правовых проблемах Чечни см. статью С. Нистен-Хаарала). Но очень многое в печальном положении послевоенной Чечни объясняется действием именно тех факторов, которые привели чеченцев к военной победе.

Прежде всего — это то же самое чеченское «вольнолюбие» и нежелание подчиняться внешней и принудительной, государственной, власти, которое переносится с чужой, российской и на свою собственную власть. Во время войны чеченцы героически изображали правильно организованное государство и армию — со своими президентом, вице-президентом, генштабом и командующими фронтами. Но как только война кончилась, чеченский «анархизм» вновь вышел наружу. При этом он вышел усугублённый естественными последствиями революции и войны, вынесшей на поверхность и сделавшей политической элитой социальные слои и социальные типы, способные воевать и побеждать, но очень мало соответствующие задаче построения нормального дееспособного государства. Из Шамиля Басаева сделать министра и заставить его подчиняться занимающим высшие должности бывшим соратникам по борьбе (таким же, как он, и даже менее знаменитым, чем он, полевым командирам) во много раз труднее, принимая во внимание чеченскую психологию, чем сделать партийного бюрократа из какого-нибудь героя нашей гражданской войны вроде Чапаева. Большевики относительно легко справились со своими «полевыми командирами» — во-первых, потому, что они имели дело с народом с совершенно иной, чем чеченская, психологией, спо-

собным к страшному бунту, но в целом привыкшим повиноваться власти, и во-вторых, потому что опирались на мощную тоталитарную идеологию и идеологическую организацию. Масхадов имеет дело с народом, привыкшим воспринимать государство как чужую и враждебную силу, и не имеет тоталитарной идеологии и партии. Помешать Басаеву совершать «газават» Масхадову практически невозможно. Убить его? Но для чеченца вообще не так просто убить чеченца, а здесь речь идёт не просто о чеченце, а о герое войны, живой легенде, и кроме того, смерти Басаев не боится. Арестовать? Но это — то же самое, убить даже проще. А приказам он просто не подчиняется.

Малокультурная (будем называть вещи своими именами), очень плохо понимающая, как устроен «нечеченский» мир, и не знающая, как решать грандиозные задачи, стоящие перед ней, современная чеченская политическая элита мечется. И, чувствуя, что построение «нормального» правового демократического государства никак не получается, она судорожно ищет какой-то сильной, тоталитарной идеологии. (см. статью Л.Вахаева) Проекты выдвигаются самые экзотические, вроде чисто «подросткового» проекта чеченского фашизма. Но главное направление поисков — ислам и шариат. Если просто так чеченцу очень трудно казнить или посадить в тюрьму другого чеченца, то может быть, это будет сделать легче, если всё это будет совершаться по воле Аллаха. Если сотрудников госбезопасности чеченец может послать куда подальше, то может он будет испытывать религиозный пиетет перед сотрудниками «шариатской безопасности»?

Но и этот путь — крайне труден. Мы уже не говорим о несоответствии древнего шариатского законодательства и современным правовым принципам, и чеченскому вольнолюбию. Но ислам в Чечне — далеко не монолит. В Чечне много соперничающих суфийских вирдов. Интерпретации шариату даются самые разные (вплоть до объявления исторического шариата арабскими племенными обычаями, а племенных обычаев чеченцев — истинным шариатом), а на горизонте маячит опасность глубокого раскола между основным суфийским направлением ислама и проникающим через посредство различных ближневосточных центров «фундаментализмом» и саудовским ваххабизмом.

Чеченцы сейчас склонны, что вполне естественно, видеть за своими бедами «российские спецслужбы», «израильские спецслужбы» (сейчас в Чечне очень распространены мифологические представления об израильских спецслужбах и вообще всяких сионистских происках) и т.д. Но хотя, может быть, какие-то внешние силы Чечне сознательно вредят (некоторые чеченские убийства и похищения выглядят, действительно, очень подозрительно), главный источник чеченских бед — само чеченское общество (как главный источник русских бед — русское). Все чеченские проблемы упираются в одну — трудность создания в Чечне упорядоченного правового государства, трудность, связанную с глубокими особенностями чеченской культуры, причем теми же самыми особенностями, которые сделали чеченцев таким храбрым и страшным для врага народом. Чеченские беды — это те чеченские «недостатки», которые суть продолжения чеченских «достоинств». Поэтому, как бы не сложилась дальнейшая история Чечни, путь к правовому государству чеченцам предстоит долгий и мучительный.

Цель нашей книги — попытаться хоть немного понять Чечню, а не давать чеченцам или российским деятелям какие-либо советы. И если мы говорим, что «чеченцам предстоит» некий путь к правовому государству, это — не совет или призыв такое государство строить, а констатация факта. Ибо построение такого государства — это объективная цель, не стремиться к которой чеченское общество не может, как оно не может не стремиться и к другим взаимосвязанным с этой задачей — возвращению эмиграции, в которой сейчас оказались люди, наиболее ценные для Чечни в условиях мира, урегулированию отношений с Россией и обретению стабильного международно правового статуса. Даже если отказаться на какое-то время от решения этих задач, всё равно они останутся и всё равно к ним вернуться.

И эти объективные чеченские проблемы — одновременно и объективные проблемы России и мирового сообщества в целом. Субъективно — российские политики могут быть движимы в отношении Чечни самыми разными и противоречивыми импульсами и руководствоваться самыми разными соображениями и представлениями — и злостью, вызванной унижением, испытанным Россией; и архаическими, но очень характерными для российской верхушки представлениями, что величие государства неразрывно связано с тем, сколько (даже чисто формально) у него территории и сколько народов в него входит; и вполне рациональными страхами, что формально и признанно независимая, но не «успокоившаяся», не имеющая стабильного и упорядоченного государственного устройства, Чечня будет ещё большим источником беспокойства, чем сейчас; и вообще — чем угодно. Но, объективно — неурегулированные отношения с Чечней и неурегулированные отношения в Чечне (и вообще на Северном Кавказе) — одно из важных препятствий на пути превращения России в нормальную и процветающую демократическую страну, один из аспектов российской слабости. И если бы даже представить себе, что мы каким-то чудом, собравшись с силами, смогли бы Чечню подчинить и ввести её в Федерацию, это только уподобило бы Россию человеку, в теле которого находится бомба с часовым механизмом, которая через какое-то время обязательно взорвётся. Главная задача России в Чечне и на Кавказе, в целом, — это отнюдь не удержание их любой ценой и не сохранение неопределённого, чреватого взрывами статус-кво, а построение здесь жизнеспособного демократического общества, мирно сосуществующего с Россией. Задача — бесконечно трудная и статус Чечни при этом — дело второстепенное и ценность «инструментальная». Осознание этой задачи и этой иерархии приоритетов придёт ещё не скоро. Но неизбежно придёт.

Когда наша книга была уже готова, разразилась новая российско-чеченская война. Но мы решили оставить весь текст, включая введение, в его первоначальной, «довоенной форме».